

# ЧАСТЬ I

---

## Глава 1

Яблок в этом году было так много, что утренний воздух был пронизан не только запахом, но и золотистым яблоневым сиянием.

С яблоневым запахом и светом связано было сегодняшнее Маринино настроение. Она не могла объяснить эту связь, но ясно чувствовала какой-то особенный трепет в груди, похожий на печаль и на предчувствие радости одновременно. Вот точно так яблоки и светятся, так они и пахнут — смешанный запах радости и печали.

Она сразу поняла, что поездка будет необычной. Конечно, в последнее время в ее жизни было так мало событий, что любая поездка нарушила бы однообразное течение времени. И все-таки дело было не в разнообразии ожидаемых впечатлений. Марина никогда не ошибалась в своих предчувствиях и знала, что может полностью им доверять.

Тем более — в яблоневый Спас. В такой день сокровенные тайны проясняются, словно промытые чистой водой, и даже самые незоркие люди могут их разглядеть. А уж она, Марина...

Даже толстая пожилая Нина Прокофьевна, старшая медсестра из терапии, выглядела взволнованной, почти растроганной.

— Девочки, — басила она, ни к кому конкретно не обращаясь, — день-то какой сегодня, а? И правда, праздник божий!..

— Просто праздников же не осталось у нас, до того жизнь поганая, — пыталась возразить Люся из проце-

дурной. — Погода хорошая, выходной — вот и праздник, много ли нам надо.

Но и в голосе Люси, несмотря на природную ворчливость, чувствовалась радость.

Дребезжащий «Икарус» катил по шоссе, ведущему из Мценска в Спасское-Лутовиново. Это и была неожиданная поездка — в тургеневское родовое гнездо. Вообще-то, конечно, обыкновенная экскурсия, такие в прежние времена устраивались часто, в том числе и для работников больницы. Но то в прежние времена, а в новые — удивления достойно. Зачем бы, кажется, облздравовскому начальству думать о культурном развитии врачей и медсестер, зарплату бы выплатить вовремя.

Как и следовало ожидать, поехали в основном незамужние женщины. У семейных хватает дел в выходной, не до развлечений. Они послали вместо себя детей-школьников: не пропадать же бесплатной поездке. И детки сдержанно галдели теперь в большом автобусе, обмениваясь своими какими-то новостями, взрослым непонятными.

Рядом с Мариной сидела дочка главврача, двенадцатилетняя Катюша Наточеева. Марина давно знала ее, и девочка ей нравилась. Катюша часто приходила к отцу в больницу и всегда заглядывала к Марине в кардиологию, подолгу сидела у нее в процедурном кабинете, наблюдая, как Марина делает уколы или снимает кардиограмму.

«Конечно, врачом хочет быть», — незаметно улыбалась Марина, глядя на взволнованное, с почти благоговейным выражением Катино личико.

Как все это было знакомо — больница, большой отцовский кабинет, чувство почтительного восторга!..

Даже сейчас в пронизанном солнечными лучами автобусе Катюша думала не о хорошей погоде, не о яблоках и не о Тургеневе.

— Тетя Марина, а для чего адреналин? — спрашивала она.

Приходилось отвечать, да еще подробно. Маленькая, с прозрачным личиком Катюша была девочкой обстоятельной. Сначала Марина отвечала терпеливо и безропотно, но в конце концов ей это надоело. На очередной Катин вопрос о том, как делать непрямой массаж сердца, она ответила:

— Папу спроси как-нибудь, ладно, Катенька? Смотри, какое утро, не хочется ведь сейчас об этом думать, правда?

Девочка обиженно шмыгнула носом и умолкла. Что ей было до какого-то утра, до чудесных пейзажей, плывущих за окном, — поля и поля, куда они денутся. А о том, чтобы быть врачом, настоящим кардиологом, Катя думала всегда, это было ее самым заветным желанием. Марине даже жаль стало девочку: в самом деле, много ли их теперь, мечтающих стать врачами, а не элитными проститутками? И разве сама она не была такой когда-то — да не когда-то, а всего лет десять назад?

Но ей действительно не хотелось думать сейчас о работе, и даже не из-за того, что она любовалась пейзажем... Печальный и счастливый холодок предчувствия будоражил Марину.

Марина Стенич работала в кардиологии уже три года, и вообще-то работа ничуть не угнетала ее. Со стороны казалось, что она все делает играючи, ее тонкие пальцы прикасались ко всему легко и мимолетно.

— Ты, сестричка, вроде кардиограмму снимаешь, а вроде уже и лечишь, — сказал ей как-то пожилой пациент, которого привезли по «Скорой» в предынфарктном состоянии. — И как это у тебя получается, прямо чудо, да и только. Ей-богу, полегчало, покуда ты со мной возилась. Способности, что ли, у тебя такие?

Марина только улыбнулась в ответ.

— Может, и способности. Вы лежите, лежите, Степан Сергеевич, — сказала она, заглянув в регистраци-

онную карту. — Думаете, чуть-чуть отпустило, так уже и вставать можно?

Конечно, способности. Сейчас — такие же мимо-летные, как прикосновения Марининых пальцев, но усатый Степан Сергеевич все равно их почувствовал.

— На врача шла бы учиться, — сказал он. — Молодая, самое время, кому ж учиться-то, как не тебе?

— Пойду, наверное, — кивнула она.

— Не ленись, не ленись, — назидательно добавил Степан Сергеевич. — Молодежь теперь как все равно одурела, только деньгу загребать. Что бог дал, о том совсем не думают. Сама потом будешь жалеть, вот помняни мое слово.

— Да какие у нас здесь деньги, — пожалла плечами Марина. — Разве в больнице кто-нибудь из-за денег работает?

— И то верно, — вздохнул он.

Степан Сергеевич Евстафьев оказался последним ее пациентом на сегодня. Рабочий день был окончен, и Марина чувствовала себя слегка усталой после ночного дежурства и целого дня непрерывной беготни. Медсестер катастрофически не хватало — впрочем, так было всегда, — и она одна вертелась там, где положено было работать троим.

Но это было даже хорошо: меньше оставалось времени на то, чтобы размышлять о равномерном течении жизни — о том, что нагоняло на нее неизбывную тоску.

А мысли эти наваливались на нее сразу, как только она выходила из больницы. Марина медленно шла домой по неширокой, сбегаящей к реке улочке и думала о том, что ей уже двадцать три года, а жизнь ее идет точно так же, как у всех одиноких медсестер — все равно, двадцатилетних или сорокалетних. Работа, необременительные домашние заботы — много ли надо одной! — немного больничных сплетен и слухов, то завистливо-злых, то привычно-равнодушных, потом — тихие, неотличимые друг от друга вечера за

книгами или у телевизора. И тягучее, как у всех, однообразие...

Однажды она рассказала об этом Нине Прокофьевне из терапии: несмотря на внешнюю суровость и басовитый голос, та была отзывчива, Марина сразу это почувствовала.

— А ты влюбись, — спокойно посоветовала Нина Прокофьевна. — Молодая девка, чего тебе? Все при тебе, и парни за тобой бегают. Вот нашла себе заботу — жизнь однообразная! Мне б твои годочки, Мариша!..

Марина только вздохнула, выслушав этот нехитрый совет. Зря разболталась, разнюнилась перед Ниной. Ну что толку в чужих советах? Какое такое откровение она надеялась услышать?

Все правильно говорила Нина Прокофьевна. Хотя Марина была не из тех ослепительных красавиц, которые отбою не знают от кавалеров, но и за ней не прочь были приударить не самые последние парни. Дело было не в отсутствии поклонников.

Дело было в ней самой.

Двадцатитрехлетняя медсестра Орловской областной больницы Марина Стенич не только никогда не была влюблена, но даже и представить себе не могла, как это можно влюбиться и в кого. И ни книги ее не убеждали, ни фильмы — она была сама по себе, и любовь была не для нее.

— Приехали, тетя Марина! — Катюшин голос вывел ее из задумчивости. — Смотрите, сколько яблок продают!

Действительно, у самого усадебного забора расположились женщины с ведрами, полными яблок — золотых, зеленых, красных.

— А вот посвященные тоже есть! — наперебой зазывали они. — Яблочки берите, на Спас берите яблочки! Утречком в церковь сходили, берите!

Марина спрыгнула с подножки автобуса и медленно пошла вдоль яблочного ряда, с наслаждением вды-

хая томительный запах. Краем глаза она заметила, что у входа в усадьбу уже стоит автобус с московскими номерами, а к нему подъезжает еще один. Людно, оживленно было в Спасском в это ясное августовское утро.

Марина уже была однажды в тургеневской усадьбе, и ее не слишком мучило любопытство. Просто приятно было идти ясным утром по чистой аллее, мимо церкви Спаса Преображения — туда, где сквозь стволы деревьев просвечивала зеленая крыша старинного дома.

Экскурсоводша ждала их у крыльца. Едва увидев ее, Марина удивилась: неужели здесь работает эта изящная, элегантная женщина? Конечно, не колхоз — музей, люди здесь интеллигентные, но все же... На вид экскурсоводше не было тридцати, на ней была узкая бордовая юбка, чуть прикрывающая колени. Из-за высоких «шпилек» ее ноги с тонкими лодыжками казались особенно длинными и стройными. Под вишневой шелковой блузой, свободно падающей до бедер, угадывались изгибы такой фигуры, на которую только слепой не обратил бы внимания. Марина даже вздохнула потихоньку: вот это да, не то что ее узкие, как у подростка, плечики!

Прямые черные волосы падали экскурсоводше на плечи, черные миндалевидные глаза посверкивали под длинной челкой так таинственно, точно женщина собиралась рассказать не о Тургеневе, а о чем-то невероятно интригующем и загадочном.

Но, дождавшись, пока вся группа соберется у крыльца, она произнесла самые обыкновенные слова: — Здравствуйте, дорогие друзья, я рада приветствовать вас в музее-усадьбе Спасское-Лутовиново! Меня зовут Наталья Андреевна Спешнева, я проведу с вами экскурсию по дому и парку.

Живя в Орле, трудно ничего не знать о Тургеневе. Даже если совсем ничего не читать, даже если ни разу не сходить в музей, все равно — само собой как-то знается о нем, такой уж город. А для Марины и вовсе

ничего нового не было в том, что приятным, низким голосом рассказывала Наталья Андреевна. Она только с непроходящим удивлением рассматривала ее фигуру, костюм, прическу, гадая: что же за птичка такая залетная?

— Здесь властвует гармония изящных линий ампирной мебели, — говорила Наталья Андреевна. — Всюду теплые блики красного дерева и карельской березы. Мы с вами увидим столовую, гостиную, «казино», библиотеку, «комнату Полонских»...

Марина прислушивалась, как маняще звучит голос, произносящий простые фразы. Она сразу почувствовала необычность этой женщины, и смутная тревога почему-то шевельнулась в ее душе...

Она была сама по себе. Не было, наверное, во всем городе Орле человека, который был бы так не подвластен никаким внешним влияниям, как Марина Стенич. Она и в детстве была такая, и теперь. И это не была замкнутость или нелюдимость — наоборот, все, кто знал Марину, знали и ее приветливый, доброжелательный нрав. Это было что-то другое — необъяснимое...

Марина чувствовала вокруг себя какой-то прозрачный, невидимый радужный круг — не воображала его, а физически чувствовала. Он начинался где-то у плеч, вздымался вверх, подрагивая от каждого ее движения, как огромный мыльный пузырь, и уже внутри этого круга была она, Марина, — невысокая, хрупкая, с чуть угловатыми плечами и светло-рыжими волосами. Он ничуть ей не мешал, никто его не видел, а Марине было в нем легко и спокойно. И она никогда не чувствовала одиночества, и никто не мог ей повредить — просто потому, что круг надежно защищал ее от любых внешних влияний.

Вот только любовь... Любовь ведь тоже была внешним влиянием и была так же вне Маринино спасительного круга, как чужая зависть, недоброжелательность или любопытство.

Она была словно защищена от любви и знала это — и ничуть об этом не жалела. Что ж, такую, значит, уродилась. Бывают же люди, которым совершенно недоступна, например, музыка — и ничего, во всем остальном прекрасно себя чувствуют.

Жизненная тоска — это было единственное, неясное, но ощутимое, что ее угнетало. Но любовь здесь была совсем ни при чем, в этом Марина была уверена и даже проверила это однажды — самым простым способом.

В нее влюбился больной из шестой палаты, Саша Сташук. В пятницу вечером его привезли с сердечным приступом и даже подозрением на инфаркт. Странно, конечно, для крепкого парня, которому нет и тридцати, но ведь все больше бывает сейчас таких вот молодых инфарктников: жизнь такая.

Марина дежурила в ночь на субботу, и все было как обычно: сделала испуганному Сташуку укол, измерила давление. Потом взяла его за руку, послушала пульс и сказала, улыбнувшись:

— Саша, не волнуйся. По-моему, все у тебя в порядке. Сердце чуть-чуть прихватило, но ничего страшного. Полежишь немного и домой пойдешь, вот увидишь.

— Правда? — Сашка посмотрел на нее с надеждой и недоверием. — Ты просто так говоришь или по медицине знаешь?

— По медицине, по медицине, — успокоила она. — У меня ведь опыт уже, вот честное слово!

— Да какой у тебя опыт... — недоверчиво протянул Сташук, окидывая Марину быстрым взглядом.

Инфаркт у него не подтвердился, и уже к понедельнику Сашка повеселел. Друзья принесли ему гитару, и он вовсю развлекал медсестер страдальческими песнями и взглядами. Развлекал всех, но предназначены и песни, и взгляды были только Марине...

Он даже не слишком обрадовался, когда заведованием Иосиф Давыдович сообщил ему о выписке.

— Ты, Сашенька, не рад, кажется? — удивился зав. Он симпатизировал веселому, разбитному парню. — Или на работу неохота? Так мы ведь больничный выпишем, это ты не беспокойся!

— Да нет, Иосиф Давыдыч, я ж не потому, — смутился Сашка. — Коллектив у вас хороший, я и привык...

— Я тоже, — усмехнулся заведующий. — Особенно медсестрички, правильно, Саша?

Вообще-то Саша Сташук был не первый пациент, влюбившийся в медсестру Марину. Ей и цветы дарили, и норовили приобнять, когда народу поблизости не было, и даже любовные записочки писали. Но Сашка, кажется, влюбился по-серьезному — так пылко, что камень бы растрогался.

На следующий день после выписки он ждал Марину в больничном сквере. Она увидела его издалека, хотя уже смеркалось. Заметив ее, Сашка быстро поднялся со скамейки. На нем был новый джинсовый костюм, в руках он держал цветы в зеркальном целлофане.

— Мариночка, а я тебя жду! — обрадованно сказал он, быстро шагая ей навстречу. — Что долго так сегодня?

— Ну зачем ты бегаешь по городу, Саша? — укоризненно сказала Марина. — Думаешь, если не инфаркт, так можно и совсем о здоровье не думать?

— Да ну! — махнул рукой Сашка. — Чего о нем думать, что я, старик? Переработался немного, вот и прихватило, оно ж понятно. Отдохнул в больнице, все и прошло!

Марина невольно улыбнулась бесшабашности, так трогательно выглядевшей в этом крепком высоком парне со светлым волнистым чубом и широкими плечами.

— Можно домой тебя проводить? — спросил Саша, бросая на Марину быстрый взгляд.

Он не производил впечатления человека, привыкшего спрашивать разрешения у девушек, и поэтому

его неожиданная робость была особенно привлекательна. Марина жила недалеко от больницы, и дошли они быстро, хотя Саша явно старался растянуть этот недлинный путь.

Весенняя тополиная зелень окутывала улицу легкой дымкой. Саша незаметно взял Марину под руку, она чувствовала, как подрагивает его локоть, и знала, что Саша хочет ее обнять, но не решается. Он рассказывал, что работы у него теперь стало предостаточно, что в деньгах он нужды не знает... Но не хвастался, а просто рассказывал, то и дело поглядывая на Марину с прежней трогательной робостью.

— Строителям теперь раздолье, — говорил он. — Если, конечно, квалифицированные и непьющие. Хотя у нас в Орле, хоть, говорят, и в Москве. А я, знаешь, люблю, когда возможности. По мне, так ничего, если и трудности временные, лишь бы перспективы были.

Марина улыбалась, слушая его. Он был очень хороший и спокойный, от него так и веяло теплом и уверенностью.

— А вот и мой дом, — сказала она, останавливаясь у калитки. — То есть не мой, а я здесь комнату снимаю.

— Снимаешь? — удивился он. — Разве ты не местная?

— Нет, — покачала головой Марина. — Я в Орле после медучилища осталась.

— Так ведь, наверно, надоело тебе по чужим углам? — спросил Сашка.

— Да нет, — засмеялась Марина. — У меня здесь уютный угол, я и не замечаю, что он чужой.

— Все равно, — протянул Саша. — Долго ли так сможешь...

Его намерения по отношению к ней были так очевидны, что он даже не старался их скрыть. Он встречал ее с работы каждый день, пока длился больничный, а потом — каждый раз, когда их рабочий день заканчивался одновременно. Он дарил ей то цветы, то духи и был робок, как мальчик, сидя рядом с нею на

скамейке в парке. Он подолгу держал ее руку в своей, стоя у калитки и почему-то все не решаясь ее поцеловать.

Все это было трогательно, хорошо, и ей легко было с Сашей Сташуком, как не было легко ни с одним парнем из тех, что пытались за ней ухаживать. Да Саша и не похож был ни на кого. Во всяком случае, никто из них не отличался застенчивостью.

Но Марина была отдельно от него, и ничего нельзя было с этим поделать.

Не стоило ожидать, что ей встретится в жизни кто-нибудь лучше Саши Сташука, это Марина прекрасно понимала. Да вообще она и не ждала какого-то неведомого принца, и вообще не мучили ее неясные предчувствия, из-за которых обычная жизнь проходила бы мимо. Просто — Саша так же оставался во внешнем мире, как и все остальные, так же мало значил для нее, и совсем не важно было даже, плохой он сам по себе или хороший.

Когда Саша впервые поцеловал ее, Марина поняла это ясно и окончательно — словно и вправду проверила. Губы у него были мягкие, нетерпеливые — и как он заставил себя ждать так долго? — и поцелуй длился, пока у них обоих хватало дыхания. И все это время, чувствуя Сашины губы на своих губах, Марина понимала, что не отстраняется только потому, что ей жаль его обидеть.

Поцелуй кончился, и Саша медленно опустил руки.

— Ох, Марина... — вдруг сказал он удивленно и немного испуганно. — Ты прости меня, но я чего-то... Не знаю я!

— Что — не знаешь? — спросила она, взглядываясь в его лицо, пытаясь поймать его взгляд.

— Что это со мной... было, вот чего не знаю. Вроде полюбил я тебя, вроде подходим мы друг другу... А чего же тогда? Почему ты такая?

— Какая, Саша? — тихо спросила Марина.

— Да как ледышка холодная, вот какая! Ну, я сначала

думал, это просто что не было у тебя никого, что стесняешься ты. А потом смотрю — нет, другое чего-то. Я что, совсем тебе не нравлюсь?

Марина молчала. Что можно было объяснить простому и ясному Саше? Вот сейчас он уйдет, и, наверное, она больше никогда его не увидит. И что? Ей это так же безразлично, как безразлично было сегодня утром, увидит ли она его после работы. И он в этом насколько не виноват..

— Странно прямо, — нарушил молчание Саша, не дождавшись ответа. — А говорят, рыжие — горячие... Я и не думал, что ты бесчувственная такая.

Этим вечером она окончательно убедилась, что любовь — не для нее.

Расставшись с Сашей и войдя к себе в комнату, Марина долго смотрела в зеркало. Оно у нее было старинное, бабушкино, Марина привезла его с собой даже в общежитие медучилища. Из темной резной рамы смотрела не красавица и не уродина — таких принято называть девушками с оригинальной внешностью. В ореоле пышных рыжих волос лицо не казалось бледным: они словно бросали на него медовый отсвет. Высокие тонкие скулы, глаза не маленькие, но кажутся не большими, а какими-то длинными — потому что, пожалуй, узковаты. Даже не сразу разглядишь, какого они цвета.

А цвета они были странного, непонятного и неназываемого. Смесь зеленого с карим, а по всей радужке — множество переливчатых разноцветных точек, и от этого цвет меняется по всему кругу. Когда Марина вглядывалась в свои глаза, ей самой становилось как-то не по себе от этих неуловимых переливов цвета. И она спешила перевести оценивающий взгляд на свою фигуру.

Вот фигура уж точно была самая обыкновенная — и плечи как у подростка, и совсем нет того пленительного изгиба талии и бедер, который так бросается в

глаза и создает впечатление совершенства, и грудь маленькая.

Марине было совершенно все равно, как оценивают ее внешность мужчины, но ей казалось, что из-за обыденной внешности бывает обыденная судьба. Вздохнув, она отправилась на хозяйскую кухню ставить чайник.

Вот у Натальи Андреевны Спешневой судьба точно не обыденная. Марина так увлеклась разглядыванием этой необычной женщины, так заслушалась ее голосом, что почти не замечала комнат, по которым вела их экскурсоводша. Она отвлеклась, только когда группа уже направлялась к выходу, и ей стало неловко: все-таки тургеневский дом, а она думает невесть о чем!

Но Наталье Андреевне было, кажется, совершенно все равно, слушают ее экскурсанты или нет.

— Мы с вами переходим в тургеневский парк, — сказала она, не меняя интонации. — Собственно, это не парк в строгом значении слова. В нем нет ни подстриженных деревьев, ни заморских растений, ни мраморных статуй в аллеях. Тургенев всегда называл его садом.

«Интересно, как она по саду пойдет на таких каблучках?» — мельком подумала Марина, выходя из дому вслед за экскурсоводшей.

Катенька, шедшая все это время рядом с ней, молчала и совсем не задавала вопросов: ей было интересно только то, что относилось к медицине. Экскурсоводша шла по саду легко, как по паркету, — впрочем, дорожки были гладкими.

— Перед вами дуб, посаженный самим Тургеневым. Сейчас это могучий стопятидесятилетний великан, в его тени соловьи не смолкают даже днем, — рассказывала она. — А теперь мы с вами пойдем к знаменитому скрещению липовых аллей...

Солнце уже поднялось высоко, день обещал быть

жарким, но в старинном парке было прохладно и спокойно. Наверное, так было здесь всегда, в любое время года. В глубине одной из аллей показалась другая группа, и Наталья Андреевна остановилась, пропуская ее, — чтобы можно было рассмотреть красивую перспективу вдалеке.

Впереди группы шел молодой человек — наверное, тоже экскурсовод. Он подходил все ближе, и группа подходила все ближе. Наталья Андреевна ждала, прикрывая глаза от солнца, пробивающегося сквозь густую листву, а Марина смотрела на этого парня в клетчатой рубашке, шедшего впереди всех по прямой и светлой липовой аллее.

Солнце вдруг ударило в глаза, ей даже показалось на мгновение, что оно подожгло волосы, — и Марина судорожно поднесла руку ко лбу, словно сбивая пламя. Парень в клетчатой рубашке шел ей навстречу, Марина почти не видела его из-за пронзительного солнечного света, но сердце у нее билось стремительно, и она чувствовала, что начинает задыхаться от этого бешеного биения.

— Тетя Марина, вы что? — услышала она испуганный Катенькин голос — словно издалека, сквозь какую-то давящую толщу. — Вам что, голову напекло?

— Да, кажется, да... — прошептала она, по-прежнему держа руку у лба и чувствуя, как земля уходит у нее из-под ног.

Она ответила Катеньке машинально, едва шевеля губами. На самом деле Марина не знала, что с нею происходит. Она ни разу в жизни не теряла сознания и не представляла, как это бывает, хотя за время своей работы в кардиологии навидалась всякого. Она чувствовала только полную свою незащитность. Вместе с неисчислимыми солнечными лучами ее пронизывали еще какие-то лучи, они сотрясали даже не тело, а саму ее кровь, они взрывали ее изнутри! Но это было совсем не больно — это было странно, незнакомо, невообразимо...

Марина услышала Катенькин вскрик и тут же увидела, как стройные липовые стволы стремительно взлетели вверх и закружились над нею, пока не исчезли в неожиданной тьме.

## **Глава 2**

— Боже мой, но отчего может быть солнечный удар? — услышала Марина, еще не открыв глаза. — Мы только что вышли из дома, и потом — ведь совсем не жарко в саду! Нет, я просто не представляю...

Женский голос звучал взволнованно, Марина с трудом узнала невозмутимую Наталью Андреевну.

— Не волнуйся, Наташа. По-моему, она очнулась, — ответил мужской голос, и Марина тут же открыла глаза, чтобы увидеть говорящего.

Но голоса звучали где-то в стороне, а над нею были только липы, ласково шелестящие в струящемся воздухе.

— Ты думаешь, Женечка? Может быть, все-таки надо вызвать «Скорую»?

— Нет-нет, не надо «Скорую»... — прошептала Марина.

— Вот видишь! Это какая-то досадная случайность, — снова произнес мужчина. — У нее уже лицо порозовело, сейчас она совсем придет в себя.

Марина поняла, почему она не видела говорящего: ее голова лежала у него на коленях, и он был поэтому где-то сзади. Но его руку она чувствовала у себя на лбу. Рука была прохладна и легка, и Марине вдруг показалось, что пальцы осторожно гладят ее лоб.

— Мне ведь надо экскурсию продолжать... — произнесла Наталья Андреевна слегка смущенно.

— Ну конечно, иди, Наташа, — тут же ответил мужчина. — Не волнуйся, я уже закончил и вполне могу помочь.

Марина почувствовала, как дрогнули его колени, на